

Нынѣшній Летописецъ

АНДРЕЙ
КРАПІЕНКО

*Бог
атаманъ
Диченковъ*

Очерки по исторіи
Восточного
Казачества.

НЫНЭШНІЙ ЛЕТОПИСЕЦ

Андрей КРАТЕНКО

ПОЧЕМУ ВЕРНУЛСЯ АТАМАН?

Очерки по истории Восточного Казахстана

г. Усть-Каменогорск, 1991 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Почему вернулся атаман?

Толстоуховский мятеж

У святых матушек

Как разрушали Покровский собор

Берестяные письма ГУЛага

Южно-Сибирский Шлиссельбург

Очерки по истории Востока Кавказа

На обложке — фото 30-летнего атамана Б. Анненкова.
1920 г.

Издание осуществлено за счет средств автора.

Учреждение «Кавказ» 1991 г.

Почему вернулся атаман?

Андрей КРАТЕНКО

ПОЧЕМУ ВЕРНУЛСЯ АТАМАН?

Очерки по истории Восточного Казахстана

Почему вернулся атаман?

Казачки рассказывают, что когда атаман Анненков со своим войском уходил в Китай, артиллеристы напоследок блеснули мастерством — взрыли степь снарядами степь: **МЫ ВЕРНЕМСЯ.**

Вернулся атаман, в сущности, один...

На суде в Семипалатинске летом 1927 года рассматривалась официальная версия о добровольном возвращении. Спустя десятилетия стали писать, что на самом деле Анненкова привезли чекисты. В книге Д. Голикова «Крушение антисоветского подполья в СССР» ставится вопрос: как мог надеяться на помилование «этот фанатичный, жестокий каратель и усмиритель?» И дальше: «раскаяние бывшего атамана Анненкова могло бы содействовать разложению белоэмиграции в Китае... Но как заставить Анненкова сдаться, раскаяться?.. Может быть, если поставить его в безвыходное положение, он сам попытается продолжить игру в добровольное раскаяние, чтобы заслужить снисхождение?» Голиков еще добавляет, что в Москву Анненкова доставили под солидной охраной. А вот в документальной повести Сергея и Мелиты Мартыановых «Дело Анненкова» («Простор», 1970, № 10—11) утверждается, что в Москву атамана без наручников доставил один чекист — Михаил Зюк.

В столице атамана не сразу повезли на Лубянку (видимо, там его не ждали?), заехали сначала в гости к «конвою». Об этом вспоминает его сестра Раиса Идлис:

«Дело в том, что я сама принимала «гостя» — атамана Анненкова у брата, и хорошо помню встречу с ним. В комнате было два человека, на полу стояли чемоданы... Брат был очень взволнован, быстро со мной поздоровался, ему я начала рассказывать о рождении сына, но он меня не слушал, сейчас он был занят гостями. Первый со мной подчеркнуто вежливо поздоровался. Это был высокий в полувоенной форме человек. Он подал мне руку. Меня поразила его рука: тонкая, холодная и какая-то очень цепкая. Я поглядела на него: взгляд пронзительный, лицо суровое, губы кривятся то ли иронически, то ли горестно. Мы пили чай. Военный по-прежнему разговорился и даже рассказал, что он был в китайском театре, женские роли там исполняют мужчины...»

Каков атаман! Знает, что через час с небольшим за ним захлопнут дверь камеры во внутренней тюрьме ГПУ на Лубянке, что впереди неминуемый расстрел, однако вот сидит за столом с дамой, пьет чай и рассказывает веселые вещи. Даже чекисты отдавали должное атаману, характеризуя его как человека громадной личной храбрости. Заносчив был атаман. Своим не всегда подчинялся. Вот как отвечал он полковнику Иванову-Ринову: «О моем подчинении себе не мечтайте. Подчинюсь тому своим действиями, кто заслужит». Предположить, что именно этот человек подчинился — против своей воли — большевикам, врагам своим лютым, предположить такое — значит, грешить против истины, против правды характера атамана, значит, злобно клеветать на него. Лично я не верю, что атамана «привезли». Изложу свою версию возвращения атамана. Но прежде нужно рассказать о нем самом.

Потомственный дворянин. Внук знаменитого декабриста кавалергарда Ивана Анненкова. Да, гримаса истории. Дед «участвовал в умысле на цареубийство согласием и принадлежал к тайному обществу с знанием цели», был лишен чинов и дворянства, сослан в каторжные работы на двадцать лет. А внук отважно защищал монархию, как основу единой, великой и неделимой державы, мечтал об идеальном государе, наделенном неограниченной властью. И твердой волей.

Родился Борис Владимирович Анненков в 1890 году под Киевом. Отец, полковник в отставке, имел небольшое имение. В восемь лет Бориса отдали в Одесский кадетский корпус, из которого в 1906 году он был переведен в Александровское военное училище в Москве... С казачьей сотней Борис Анненков больше года дрался с немцами на Западном фронте. Заслужил славу одного из самых храбрых офицеров Сибирской Казачьей дивизии. Дослужил до чина есаула. Получил Георгиевский крест и Георгиевское оружие, английскую золотую медаль «За храбрость». Орден Почетного Легиона ему вручил знаменитый французский генерал По. Да, и еще десять призов на офицерских скачках. Лихой казак!

Осенью 1915 года Анненкова назначают командиром партизанского отряда. В течение всего следующего года с сотней смелых казаков он сражается в немецком тылу.

В дни большевистского переворота Анненков находился на фронте. Получил приказ разоружиться и прибыть в Омск. В Омск прибыл, а сдать оружие и отрез отказался. С этого времени началась его жестокая борьба с новой властью — содвигицей, как называли ее в те годы.

У Д. Голикова читаем, что партизанский отряд Анненкова стал вооруженной силой контрреволюции. Частям своего отряда атаман давал громкие названия: черные гусары, голубые уланы, кирасиры, атаманский полк. В артиллерийской батарее вся прислуга и весь командный состав набиралась исключительно из офицеров, юнкеров и кадетов. В отряде были свои «атаманские» правила и обычаи. Вместо обращения «господин» говорили «брат». На знамени был начертан девиз: «С нами бог». «...и атаман Анненков», — добавляли «атаманцы». Носили они красные башлыки, белые ремни, черно-красные ленты, а на фуражках нашивали атамому голову — череп с двумя перекрещенными костями.

Как объяснить весь этот маскарад? Молодостью атамана? Ему ведь и тридцати не было, когда Верховный Правитель России А. В. Колчак произвел Бориса Анненкова в генералы и назначил командующим отдельной Семиреченской армии. И все-таки лета атамана здесь не главное. Наверное, любил он красивую одежду, было тщеславное желание выделиться. Но прежде всего он учил психологию подчиненных. Важно было внешне подчеркнуть, что дело атамана — правое. Он верил в это сам, убеждал в том и своих казаков. В приказе от первого января 1920 года он, поздравляя войска с Новым годом, снова говорил о том, что «пусть каждый из нас помнит, что мы берем за восстановление Права и Закона, и пусть каждый помнит, что в этом деле с нами бог». А во втором параграфе атаман приказывал «замеченных в распространении провакационных и панических слухов, агитирующих в пользу большевиков, немедленно расстреливать на месте преступления».

До сих пор об Анненкове пишут и говорят как о черном герое гражданской войны, подразумевая его жестокие расправы. Отрицать это нельзя. Но справедливости ради нужно заметить, что «белый» террор был лишь ответом на «красный». И если бы последний был менее жесток, он не спас бы коммунизм. Не станем выяснять, кто пролил больше крови, потому что спустя десятилетия после страшной братоубийственной сечи, не забывая опыт истории, хотелось бы надеяться на примирение... Попробуем все-таки разгадать тайну возвращения атамана.

Судили его в Семипалатинске. Именно в этом городе местные купцы когда-то преподнесли ему погону из литого золота, каждый весом в 2,5 фунта. Газета «Воля народа» в те дни писала: «Отряд черных гусар Анненкова прибыл в Семипалатинск в пяти эшелонах. Все офицеры и солдаты в погонах. Великолепная военная выправка и молодеватый вид приятно ласкают взор. И невольно вселяют веру в то, что в России найдутся еще храбрые защитники своей родины».

Через семь лет в этом же городе, в клубе им. Луначарского 25 июля 1927 года начался суд над атаманом. На процессе присутствовал известный литератор Павел Кузнецов. В Усть-Каменогорске, в госархиве сохранились его записи, вот некоторые из них:

Председатель Мелингаль: Помните ли вы, за что был расстрелян по вашему приказанию один киргиз в Уч-Арале?

Анненков: За кражу патронов и дезертирство.

— В чем заключалась присяга мобилизованных вами?

— В верности правительству и выполнении приказов.

— Они давали присягу такую же, как присяга царю?

— Такую же. Только вместо Романовых в присяге был Колчак.

— В Семипалатинске ваши офицеры пели «Боже, царя храни?»

— Нет.

— А какую молитву вы пели вместо «Спаси Господи люди твоя?»

— Ту же. Но она изменена. Вместо слов «победу Его Императорскому Величеству» я приказал сделать «победу нашему партизанскому отряду над супротивными даруй».

— И эту, простите за выражение, молитву пели?

— Пели ежедневно. Даже в окопах.

— У села Андреевки вам прострелили папаху?

— Да.

— Вы приказали зарубить того красноармейца после взятия деревни?

— Нет, такого приказа я не давал.

— В станице Степная бежавший казак был пойман и зарублен офицером. Вы поблагодарили офицера. По-вашему, он был прав?

— Да, он исполнил свой долг.

— Вы сами управляли машиной?

— Да.

— И любили развивать большую скорость?

— Да.

— И спрашивали сидящих рядом: ну, как здорово?

— Возможно, что было.

— Верно, что вы любили поугатать жителей деревни глушителем мотора?

— Я такими пустяками не занимался...

По ответам атамана можно заключить, что своего достоинства он на суде не потерял. Не выворачиваясь, не юлил, но и не хотел вдаваться в подробности, желая как бы отстраниться от навязываемого ему облика примитивного уголовника, и потому он часто переспрашивал свидетелей: «Тот Анненков, о котором вы говорите...» Значит, атаман с самого начала отлично знал, на что шел, пощады не ждал.

На следующий день после прочтения приговора он пишет в Москву следователю Владимирову, его последняя просьба — не о себе.

«Глубокоуважаемый тов. Владимиров. Прежде всего позвольте Вас поблагодарить за человеческое отношение, которое вы проявили ко мне за время моего пребывания в Москве во внутренней. Моя глубокая просьба к вам: помогите моим бывшим партизанам Ал. Яркому, Ив. Дуплякину, Леон. Вялову и Пет. Павленко. Они не виноваты. Их не за что карать. Они шли за мной по молодости... Много я перенес нравственных ударов во время процесса. Прокурор, общественные обвинители говорили, все равно что щелкали бичом по лицу. Сейчас легко. Я от-

читался в своих грехах и расплачусь за них своей жизнью. Я должен уйти из жизни и уйду с сознанием того, что я получил по заслугам. Уважающий вас Борис Анненков. Еще раз прошу о партизанах. 13 августа. 1927 г.»

Это письмо, в сущности, объясняет все. Редкий случай, когда интересы врагов совпали, в результате была заключена взаимовыгодная сделка. Арестован в Китае атамана, чекисты предложили ему сыграть роль добровольного возвращенца. Анненков согласился, дал слово офицера, что не убежит, но взамен потребовал человеческое отношение к себе до последнего часа. Только этим можно объяснить благодарность атамана в письме следователю. Обе стороны выполнили обещания. Важно еще понять, что не было бы у атамана этой внутренней готовности принять смерть, никогда, никто не заставил бы его играть в чужую игру, плясать под чужую дудку, тем паче под дудку коммунистов. Я уверен, что атаман был совершенно искренен, когда писал, обращаясь во ВЦИК:

«Я, Борис Анненков, в минувшую гражданскую войну принимал самое деятельное участие в борьбе на стороне белых. Я считал большевиков захватчиками власти, не способными вести народ и страну к благу и процветанию. Суровая борьба кончилась нашим поражением, и мы эмигрировали в Китай. Шесть лет эмиграции были самыми тяжелыми в моей жизни. Потеря своей родины, сознание своей вины перед людьми, которые верили мне и которых я повел за собой, сильно угнетали меня. Но эти шесть лет изгнания не прошли даром. Строгий анализ своих прошлых поступков и действий привел меня к таким выводам: борьба с Советами была глубоком моим заблуждением, ибо то, что сделала Советская власть, после того как окончила борьбу, говорит за то, что Советская власть твердо и неуклонно ведет народ и страну к достижению намеченных ею идеалов... Б. Анненков. 5 апреля 1926 г.»

Ленинский НЭП в то время многих вдохновил. Страна действительно богатела. Вот почему атаман решил, что проиграл окончательно. Ничего не осталось от дома Романовых, той великой державы, ради спасения которой он разрешил себе, не угрызаясь совестью, уничтожить несогласных с ним, преступать, если нужно, все законы, потому что все равно, так или иначе, в конечном счете, «с нами бог...» Но бог почему-то не помог. Значит, перед ним он должен повиниться, покаяться, замоливать грехи, свои и чужие. Особенно чужие. Разве случайно «атаманцы» так любили повторять: «С нами бог и атаман Анненков» и с такой легкостью рубили направо и налево. Они знали, что за все грехи отвечать будет атаман. И этот час пробил. Представился случай, и он с облегчением взглянул в глаза собственной гибели. Не такой это был человек, чтобы сидеть в эмиграции, писать мемуары, вздыхая о том, что «бывает так горько подчас: Россия построена заново не нами, другими, без нас... Уж ладно ли, худол построена, однако построена все ж. Сильна ты без нашего воина, не наши ты песни поешь...» (Игорь Северянин. «Без нас»).

24 августа 1927 года в одиннадцать часов вечера Борис Анненков был казнен. Навсегда успокоилась заносчивая атамана душа. Рассказывают, что был он человеком быстрого ума, громадной личной храбрости, знал несколько языков, имел безупречные манеры. Еще говорят, что он так и не успел полюбить ни одной женщины. За всю жизнь не выпил ни капли вина. За три года, пока он томился в китайском зиндане, китайцы не приучили его курить опиум. Атаман любил сосать леденцы...

Толстоуховский мятеж

Про Толстоухова я узнал на одной из «новых» выставок Восточно-Казахстанского областного историко-краеведческого музея. Впервые была выставлена фотография отряда Семененко, участвовавшего в подавлении Толстоуховского крестьянского мятежа в феврале 1930 года.

— Разве был такой мятеж? — удивился я.

— Да, — ответили мне, — просто мы долго не вспоминали о нем.

Точнее сказать, умалчивали. Противоречивая личность — этот Федор Толстоухов. Ссылный эсер, учитель, в гражданскую бесстрашно воевал на стороне большевиков, вступил в партию коммунистов, именно его выбрали военным комиссаром знаменитого партизанского полка «Красные Горные Орлы Алтая». И этот же человек повел крестьян на восстание в год «великого перелома» — против коллективизации.

Анкетные данные Ф. Толстоухова, взятые из справки Семипалатинского партархива. Родился в 1887 году, образование — самоучка. Социальное положение: дед — печник, отец — механик-столляр, мать — домохозяйка. С ноября 1905 года по июнь 1908 — боевик партии социалистов-революционеров, с января 1920 — член Семипалатинского укома РКП (б). С октября 1918 — командир уездного отряда ЧОН. В 1922 году исключен из членов РКП (б).

Имя Федора Толстоухова встречается в документальной повести Андрея Изотова «Красное беловодье». Точных сведений, впрочем, о нем здесь немного. Сказано лишь, что ссылный эсер Толстоухов около десяти лет подряд учительствовал в селе Пихтовый ключ Зырянского района. Ведя свой основной рассказ об истории пролетарской коммуны «Солнечная», автор обратился к исторической фигуре Толстоухова, видимо, лишь для того, чтобы противопоставить его, эсеровскую точку зрения на решение крестьянского вопроса той «великой правде большевиков», которую принесли на Алтай А. Климкевич и К. Михалкович. И тем не менее многие страницы в книге Изотова читаются с интересом. Может из-за того, что убеждения эсера Толстоухова переданы автором с убедительной полнотой.

Идеалом социалистов-революционеров являлась аграрная крестьянская страна, в которой не останется места наемному труду. Во имя этого, пишет А. Изотов, Толстоухов подвергал себя преследованиям царских жандармов, шел на муки в Орловском центре, во имя мужицкого счастья попал в каторжную и святую страданиями Сибирь. Он также считал, что движущей силой деревни являются зажиточные крестьяне.

29-летняя Мария Спиридонова, председатель крестьянской секции ВЦИК, с которой, если верить Изотову, переписывался Толстоухов, утверждала:

— Создание коммун — это нарушение социализации земли, а организация совхозов — прямой возврат к наемному труду. Раньше помещик эксплуатировал мужика, а теперь этим должно заниматься государство. Социализм — святое дело, но вводить его теперь — значить вводить равенство в голоде...

Упоминает имя Толстоухова в своих мемуарах красный партизан И. Воробьев:

— Открытым голосованием командиром полка «Горные Орлы» был избран Никита Иванович Тимофеев, военным комиссаром — Толстоухов Федор Дорофеевич. Командир и военком первыми назвали себя коммунистами, убедили несколько сотен передовых партизан вступить в партию, которые впоследствии составили костяк ЧОН и главную боевую силу по очистке родного края от контрреволюционных банд.

В селе Донском Таврического района живет Николай Федорович Иванов, лично знавший Толстоухова.

— В 1918 году наша семья жила в Пихтовом Ключе, — рассказывает он. — Летом к нам из Снегирева на плоту спустился Толстоухов со своей семьей. Что его понудило, не знаю. Собрал дом, крепкий пятистенник. Супругу его звали Анжелиной Германовной. В очках ходила, очень интеллигентная особа. И собой ничего была. Позже он скурвился, Променил на дочку моего хозяина — Лизку Бородулину.

— Какой он сам был?

— Росточка среднего, волосом рыжеват, без борды и усов ходил. Горбоносенький, немного на чеченца смахивал. Носил полушубок, отороченный мерлушкой. Папаху из коричневого каракуля заламывал назад. Нагайкой пощелкивал по голенищу хромового сапога. Помню его молодым и веселым. Не упускал случая пошутить с девками и молодежками.

Страстный лошадиник, Н. Иванов с восторгом и завистью вспоминает о коне Толстоухова:

— С горделивой поступью, соколиной осанкой. Голову держал, как олень. Ход имел мягкий, чистый аллюр. И в Монголии, и в Китае Федор на нем, замены нигде не нашел. Под пулями носился, куда тебе! Отважный был человек.

— И беспощадный?

— Не слышал, чтобы он кого-то расстреливал.

— Почему он поднял мятеж?

— Наивный вопрос. Началась коллективизация...

О том, как она проходила на востоке Казахстана, свидетельствуют факты «извращения линии партии по отношению к середняку и факты адмпроизвола», собранные зав. информационным сектором Семипалатинского окружкома ВКП (б). Вот лишь немногие из них:

«Усть-Каменогорский район.

В с. Бобровке имелось несколько случаев, когда уполномоченные по посеву сажали несдатчиков семфонда в холодные амбары, грозя расправой.

По сельсоветам Пролетарскому, Донскому, Буралинскому и Ново-Одесскому. Уполномоченные и сельсоветы в связи с несдачей семфондов производили полнейшие безобразия. Все сопротивлявшиеся лица подверглись аресту (28 случаев.) Описывалось имущество, вплоть до белья, которое тут же передавалось колхозам. Описям были подвергнуты также ряд середняков и семей красноармейцев (шесть случаев). Всем жителям под страхом ответственности предложено не пускать на квартиры семьи кулаков, выселенные из домов».

«Богословка. Уполномоченный Богомолов угрожал наганом, производил изъятие имущества, не брезгуя женскими платьями. Отбирали даже кур, которые были помещены во двор сельсовета и сталидохнуть от бескормицы. При одном таком изъятии член партии Дордей нанес зажиточному Крутозерову побой за отказ отдать шубу. Он же (член партии) отнял у кулака мешок с сухарями и начал этим мешком его бить».

«Шемонаихинский район. В с. Красный Яр продано 30 середняков. В Шемонаихе распроданы два бедняка».

«Акчукинский аулсовет. Уполномоченный Улибаев с населением обращается как жандарм, вплоть до плети, называл людей собаками, когда требовал семена».

«Бурасинский район, с. Сосновка. Уполномоченный Макаренко за несдачу семфонда арестовал восемь середняков. Коммунисты забирали жареных уток и даже детские игрушки».

«Сосновка. После ареста ряда кулаков партиейка в течение недели занималась дополнительными обысками. Забирала все продукты. У кулака Платонова изъято семь пудов мяса. 23 килограмма были розданы колхозникам бесплатно. При делении мяса и картофеля имело место недовольство неравномерным распределением продуктов. Этот вопрос стоял даже на заседании сельсовета».

По оценке академика ВАСХНИЛ В. А. Тихонова, в целом не менее 20 млн. сельских жителей в те годы были согнаны с насиженных гнездовий, изгнаны из своих деревень, отлучены от своего исконного дела. Сколько их погибло?

«Кто знает, — спрашивает поэт Олжас Сулейменов, — что в конце 20-х годов казахов проживало на территории республики 6 млн.? А после коллективизации — 3? Не много в масштабах страны, но для нас — половина нации. Безо всякой войны и безо всякой огласки, но со всеми признаками геноцида, организованного ретивыми чиновниками».

Естественно, что все это лихоимство не могло не вызвать законного сопротивления крестьянства. Кроме Толстоухова, стихийные восстания возникли в других местах. Удивительно не то, что они были, замечает академик Тихонов, а их редкость, кратковременность... Но даже они, а не «головокружение от успехов» заставили Сталина написать эту знаменитую статью и на время приостановить грабеж. Но хороши были «успехи!» За годы коллективизации деревня потеряла 26,6 млн. голов крупного рогатого скота, на треть сократилось поголовье коров, овец — в три раза, лошадей — вдвое. В 1933 г. общий уровень сельского хозяйства был на четверть ниже уровня 1928 г. (оценки академика ВАСХНИЛ В. Тихонова).

С Дальнего Востока в Пихтовый Ключ Толстоухов вернулся в мае 1929 г. За полгода он создал, выражаясь старым канцелярским слогом, разветвленную сеть контрреволюционной организации, от китайской границы до Новосибирска. Наиболее активными помощниками были зубовские кулаки И. Ширингин и П. Клиновицкий, бывший подполковник-интендант И. Зенковский, бывший красный партизан Чубиков, белогвардеец Шиллер, середняк Гоцкий.

Общий план мятежа был такой. Восстание должно начаться одновременно во всех местах, с таким расчетом, чтобы фронт растянулся на тысячу верст. Захватить Турксиб, тем самым предупредить переброску воинских частей Красной Армии. Арестовать всех советских работников и коммунистов. От террора по возможности воздерживаться. После свержения власти отвезти арестованных за Урал и отправить в Москву, сказав при этом Советскому правительству: «Кормите свое добро сами». Перемена власти должна пройти без кровопролития. Коммунисты, давшие согласие, могут работать со всеми по созданию Сибирской автономии.

Назван день начала мятежа — 26 февраля 1930 г. Он стал известен в ОГПУ. Упреждая события, чекисты с 17 по 20 февраля арестовали 72 толстоуховца. В ответ на это мятежники арестовали в с. Мякотихе (Зыряновский район) членов сельсовета, уполномоченных по посевной кампании, активистов из бедноты, всего 40 человек. Убитым нашли активиста Проскурина. Отряд мятежников, вооруженный винтовками, дробовиками и берданками, выдвинулся в Васильевку и Верх-Таловку. Крестьяне несли с собой лозунг «Да здравствует свободный труд!».

Формируемые отряды направлялись в Зубовское, Троеглазовку, Северное, Феклистовку. В эти же дни подобное происходило в селах Самарского и Усть-Каменогорского районов. Основные силы повстанцев, около 400 человек, закрепились в Зубовском и Крестовке. 27 февраля здесь прошли решающие бои, в которых мятежники были разбиты. Сам Федор Толстоухов действовал в Самарском районе. С группой из семи человек совершил палат на Кондратьевское лесничество, захватил 18 винтовок, 19718 рублей и вернулся в Пентелеймоновку, а затем с отрядом ушел в Китай.

Вот что вспоминает о тех днях тогдашний активист Н. Перевезенцев:

«Две последние ночи перед восстанием я не спал. Часов в девять утра пришел из сельсовета домой, закрыл ставни. Не успел заснуть, как ставни с треском распахнулись и в окно уставились стволы, послышались крики: выходи! Я схватил ружье, накинул на плечи полушубок и вышел в кухню. Здесь в окнах тоже торчали стволы. Ребятишки мой за-

кричали. Жена кинулась ко мне, умоляя оставить ружье — чтобы не перебили детей. Вышел безоружный. Когда привели к сельсовету, увидел кулаков с Ерофеевки, Чистопольки. Они ненавидели меня яростно, ведь твердо взывал к ним налоги, мешал воровать лес, настойчиво выполнял план хлебозаготовок... Меня с братом поставили к стене, и Артамон Ерофеев, бешено матерясь, в упор наставил на меня ружье. Мой сосед кержак Влас Шущенников ухватился за ружье и сказал:

— Не надо начинать с крови, еще неизвестно, чем все кончится.

В эти же дни с верховий Бухтармы гнали большой этап кулаков, три или четыре сотни человек. В Александровском сделали передышку. Арестованных развели. На улице возле вещей и оружия поставили часового. Чистопольские мужики узнав об этом, решили завладеть оружием. По дороге попросили казаков помочь. Но староалександровцы отказались, сказав:

— Мы ученые еще в 18-ом году. Мы тогда восстали, а вы сидели со своими толстыми брюхами по домам. Ужо теперича мы поглядим, как вам всыпят...

И чистопольцы пошли одни. Влетев карьером в Ново-Александровку, увидели часового, тот немедленно выстрелил в толпу и свалил сразу троих. Двое были убиты наповал. Подхватив их тела, кулаки кинулись наутек...

У Зубовки мятежников встречал Рыбак. Отряд его залег на краю деревни. Кержаки, тысячи полторы, шли на лыжах тучей. Поняли, что обречены. Встреченные пулеметным огнем, падали десятками, но все равно шли и шли. Когда стало ясно, что не прорваться, отступили и рассеялись. Чистопольец Василий Тютиньков спрятался в овечьем сарае, Вывернул шубу наизнанку, накрылся с головой и встал на четвереньки, точно Одиссей спасающийся от циклопа. Василий был найден и расстрелян. В Мякотихе Рыбак приказал сжечь школу вместе с арестованными. Школу обложили соломой и стали запаливать. Комендант не дал сжечь, несмотря на угрозы застрелить его. В Ерофеевке расстреляны братья Федот и Петр Ерофеевы, сноха Федота. Товарищи говорили, что сноха Федота вела себя мужественно. Артамон Ерофеев был пойман в Тарханке. Ему пробили голову из нагана. Но он оказался живуч, точно примитивное пресмыкающееся. Довезли до Усть-Каменогорска и успели снять допрос.

Жену мою с той поры долго преследовали навязчивые мысли. Как увидит пыль на окраине города, так сразу кричит: идут кержаки на восстание...»

В подавлении мятежа участвовал чекист Г. А. Котышев. В своих мемуарах он сообщает, что в Китае Толстоухов связался с кулацкой и белогвардейской верхушкой, пытался добиться от них помощи оружием и живой силой. С наступлением лета он вернулся в Зыряновский район, прятался близ горы Щебнюхи. Его дочь комсомолец Тамара писала отцу, чтобы он одумался и явился с повинной. Он не ответил ей, заявив, что письмо писала не она, а чекисты.

В конце августа, пишет Г. Котышев, мне позволил в Бухтарму уполномоченный Семипалатинского оперсектора ОГПУ Милов и сообщил, что в течение ближайших дней вниз по реке должен проплыть Толстоухов с одним или двумя спутниками. Я поставил засады. Ночь была темная. Толстоухов плыл в долбленке вместе с Прокофьевым. Кондратьевская засада во главе с бывшим партизаном Каткаевым заметила лодку.

— Кто плывет? — окликнули ее.

В ответ с лодки открыли стрельбу. Сомнений не было, плыл Толстоухов. Но лодка усклзынула. Каткаев позвонил мне, и я предложил взять двух человек и устроить засаду ниже хутора Пещерского. Тотчас выехал туда сам. Место оказалось неудачное. Отвесный берег, напротив — пологий. Незадолго до рассвета под утесом мелькнул огонек, появилась долбленка. Я крикнул, чтобы пристали к нашему берегу, но лодка круто повернула к противоположному. Один человек еще в воде высочил из

зодки и бросился бежать. Я выстрелил в сидящего рулевого, он остался на месте. Открыли стрельбу по убежавшему, но безрезультатно.

Оставшемуся в лодке пуля попала в затылок, это был довольно крепкого сложения мужчина лет 45, со светлыми волосами, подстриженными в кружок. Одет в холщевую одежду. При нем оказалась граната с вложенным капсюлем, патроны от трехлинейной винтовки, в лодке валялись гильзы, иголка, нитки, соль, сухари. Кто он? Никто сказать не мог. Я связался с Миловым, и он заявил, что у Толстоухова на левом виске должен быть подковообразный шрам. Так оно и оказалось. Спустя несколько дней Толстоухова опознала его дочь Тамара.

В мае 1940 года с ней случайно встретился в Ленинграде Иван Федорович Иванов, много лет проработавший корреспондентом газеты «Рудный Алтай». Вот что он вспоминает об этой встрече:

— Ростика она была среднего, белобрысенькая. Говорила, что закончила два института. Вечером мы поехали с ней в новый кинотеатр «Форум». Обрато возвращались пешком. Шли под мелким дождем, не замечая его. Говорила больше она. Без утайки поведала сложную историю своей семьи. И

я понял, что в душе своей она не признает вины отца, не считает его изменником делу революции. Рассказал о гибели своей матери Ангелины Германовны. Партийную активистку, ярую колхозницу, ее зверски убили кулаки. Как сложно все в этой жизни. Мать погибла, отстаивая идеи закрепощения деревни, отец — против них. Кто прав?

— В годы НЭПа, — вспомнил как бы без всякой связи с Толстоуховыми Иван Федорович, — тургунский купец Емельян Кириллович Галактионов возле деревни Козлушки запрудил Хамирскую протоку. Потом построил лесопилку. Она нужна была всем. Емельян в Козлушки приезжал редко. А сын Зиновий частенько навещал отца на Лесной Пристанни. Перед тем, как подняться на крыльцо, вынимал из-под сиденья ходка бутылку портвейна. В округе тогда пили только брагу да самогон. Портвейн был в диковинку, как признак зажиточности. Этаким шик. Было это при Ленине. Сталин напмана прихлопнул. Дело замерло. Вместо лесопилки заработал промкомбинат: ульи делали, немудреную мебелишку, что-то еще. Вскоре и комбинат приказал долго жить. А теперь вместо Козлушки бурьян растет. Эх-ма...

У святых матушек

«Старобрядчество это серьезно, это всемирное принципиальное движение; причем — из него неизвестно, что могло бы еще выйти, а из прогресса известно что...»

А. ПЛАТОНОВ. Из записных книжек.

КОГДА-ТО попасть в Гуслияковку можно было только по конной тропе, проложенной на головокруглительной высоте по скалистым сопкам. Без проводника идти сюда обычно не рисковали. Пришлого человека здешние староверы пугались:

— Изыдь, сатана...

Зато теперь над Гуслияковкой гремят динамитные взрывы. Прокричим ура открытой, то есть варварской, разработке рудника Чекмарь. К нему сегодня проложено настоящее шоссе, покрытое ядовитым клинкером.

Взрывник Федор Андреев родом из Гуслияковки, но сейчас живет в Лениногорске. В родное село приезжает с вахтой. В Гуслияковке жили его прадед Варфоломей, дед Викул, отец Семен. Старый старообрядческий род, обрывающийся на Федоре, потому что его дети уже не боятся ни бога, ни черта. А он еще помнит молитвы, затверженные в детстве. Помнит, как вольно и богато жили когда-то здесь староверы. На каждой заимке стоял пчельник. Редко кто не имел какого-нибудь журнала. Не только общего, но и по прикладному значению: по пчеловодству, сельскому хозяйству, маслоделению. Не видно было заботы, холостячества. Гостей встречали с поклоном, сытно кормили, но делали все это с чувством собственного достоинства, а не из боязни к «барину». Отличала керняков кристальная чистота нравов, честность их доходила до смешного: при отъезде гостю возвращали даже его обгоревшие спички.

Сухощавой фигурой, крестьянскими сухожилковыми руками и живым открытым лицом с подкрученными вверх усами Федор напомнил мне тот старинный, истинно русский, тип человека, знакомый по стилизованным фильмам и архивным фотографиям. Мы разговаривали с ним на крыльце общежития для сезонных рабочих.

— Прженей Убы уже нет, — говорил он, — раньше, бывало, на коне не переедешь, а теперь влюбом месте переходи — штаны не замочишь. От рудника река и вовсе погибнет... Эх-ма, жили когда-то здесь святые матушки, жили своим умом, в трудах и молитвах.

— Матушки? — удивился я.

— Ну да. Монашки. Обитель их тут стояла, чуть ниже по Убе, где впадает в нее Банная. В тридцатых монастырь уничтожили, а матушек пересажали, как врагов народа. Матушка Афанасия семь лет сидела. Потом поселились монашки в Гуслияковке, Ермолаевке. Жили затворницами.

— Живут и сегодня? — спросил я.

— Последние стались...

Прощаясь с Гуслияковкой, я еще раз взглянул на обезглавленный Чекмарь, пыльную дорогу вверх и громадный, точно ангар, гараж для БелаЗов, стоящих поодаль. На память пришел полуфантастический рассказ американца Стивена Кинга «Грузовики», где грузовики-тяжеловозы, в которых никого не было, убивали людей.

«При въезде на площадку лежал раздавленный «кадиллак». Его владелец пил глаза из-за разбитого стекла, точно выпотрошенная рыба... Грузовики ничего не хотели знать об этом. Их интересовали только подтечки в маслоприводах, неисправные салыники. Мир сплошь залит асфальтом, даже площадки. А для полей, топей и густых лесов существуют танки. И мало-помалу они переделают мир в такой, какой им нужен».

БелаЗы по-прежнему стояли ровным строем. Солнце нависло над разбитой горой. Людей нигде не было видно...

ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ свидетельств о женском монастыре сохранилось немного. Основана обитель была летом 1899 года приехавшими на Убу российскими поморками. Приехали вначале восемь сестер, отделившиеся от поморской общины в Уфимской губернии. В 1911 году их было уже сорок, некоторые из них дали клятву всю жизнь «поработать на Христа». Монашествовала здесь и мать известного на Убе и даже в Петербурге старовера Федора Гусева, который ко дню коронавания Государя Императора Николая II поднес Его Величеству в дар бадейку золотистого убинского меда. Он же был одним из настойчивых ходатаев о разрешении веротерпимости. Окрестные староверы называли монашек матушками и нежно оберегали всю колонию.

Жизнь в монастыре протекала мирно. Матушки усердно трудились. Обязанности распределялись соответственно способностям и чину каждой. Иеуменья, между прочим, заведовала самыми черными работами, а велью занимала очень тесную и скромную. Были матушки-плотники, были матушки-конюхи («конные матушки»), матушки-стряпки, послушницы. Ели они хлеб, мед, изредка рыбу, часто постились, но выглядели все равно здоровыми и веселыми. Исправно отбивали поклоны даже 70-летние старушки.

Утреннее богослужение начиналось в три часа, кончалось в пять. В семь переодевались в рабочие одежды, трапезничали и шли на работы. В час обед, в пять — вечерня.

Как свидетельствовал сибирский писатель Г. Гребенчиков (1882—1964), посетивший обитель в 1911 году, в монастырской церкви стоял очень богатый иконостас, открытый алтарь — весь в образах старинного письма, многих из которых в золоте, там же покоилось рукописное евангелие, оправленное в бархатный, с серебряной чеканкой переплет, по обе стороны от святого благовестования горели две неугасимые лампы.

От богослужебных песнопений веяло чем-то средневековым. Пели монашки в один тон, чаще обязательно в нос, и это усиливало звучащую в молитвах и псалмах скорбь. Казалось, будто вся допетровская белокаменная Русь стонет и плачет на колесовании.

— Смотри, батюшка, не крестись только, как войдешь, да и во время служения не надо, — представляла привратница Аполлиария приезжего Д. Бехтера (его очерк «На берегу Убы» опубликован в журнале «Природа и люди» в 1912 году).

— Почему? — спросил он.

— Да ведь ты, прости мне мою дурость, не образованная я, да и по-вашему говорить не умею, — пела Аполлиария, — табашник ты, да и лоб-то шепотью марашь. Вот и осквернишь образки-то наши, потом-ка опять святить надо будет. Да и церковь-то мыть. Уж воздержись...

Точной даты гибели монастыря у меня нет. По одним данным, скит просуществовал до 1931 г., по другим — до 1935. «В 1935 году угнали матушек в Минусинск, — утверждает карагужихинский старообрядец Иван Кузькин. — Кормились они подающими округи, которая оплачивала им различные службы: Сорокоусту молились, 40 Псалтирей читали, неугасительную стояли».

По сей день ходит легенда о монастырских колоколах, которые-де растащили по селам, а во время войны отливали из них муфты сцепления. Но приехали милиционеры из Лениногорска, собрали оставшийся металл и увезли, якобы, потому что были те колокола на 84 процента из чистого серебра. Главный колокол матушки все-таки успели схоронить, и он лежит в земле, может быть, по сей день. А звонит ли вновь? Едва ли.

НАЙТИ живых инокинь помогла зам. председателя Лениногорского горисполкома Татьяна Васильевна Панышина, заступница местных верующих.

Живут матушки Афанасия и Евдокия, уже достигшие «ангельского чину», на краю города. В черных рясах, мантиях, они ни на йоту не отступают от монашеских правил, будто и не покидали свою святую обитель. Ухаживает за ними послушница Мария.

Чтобы завязать разговор, показываю фотографию монастырских сестер из Лениногорского музея.

— Не узнаете ли кого?

— А где взяли карточку? — вопросом на вопрос отвечает матушка Афанасия, придирчиво разглядывая при этом снимок. Я объяснил.

— Как будто вот та сестра Аполлиария, — показала Афанасия на крайнюю слева молодую инокиню.

— Как звали последнюю игуменью?

— Вассой.

Прежде чем сжечь монастырь, рассказывала Афанасия, его дважды грабили, сначала банда Шишкина, после приходили красные. «Антихристы!» Три года назад еще жива была матушка Матридия, хранившая самые ценные монастырские реликвии. Глухой ночью ворвались в ее дом лихие ребята, охотники за иконами, и перепугали старуху насмерть. Побросали святые лики в мешок и хлопнули дверью. А стоящая лицом к стене матушка Матридия бессильно сползла на пол...

В молельне у матушек стоит большой золоченый крест, висят иконы, украшенные самоцветами. Все это из святой обители. Восхитил меня один подручник. На фиолетовом бархате подушечки старинными безымянной инокини ожил золотой райский цветок. На белой лавке лежали книги: катехизисы, псалтыри, евангелие, — в кожаных переплетах, деревянных обложках, с медными застежками. Как знать, подумал я, не хранится ли в том кованом сундуке Библия, напечатанная в типографии Ивана Федорова, которую когда-то видел Бехтер.

— Сколько поклонов нужно делать? — спрашиваю я.

— Кто сколько желает, — отвечает Афанасия.

— В ком сколько усердия. У поморцев так...

ПОМОРЦЫ... Слово это я слышал не первый раз. Обозначает оно один из староверческих толков. В «Истории русской церкви» Н. Никольского о поморцах сказано, что одним из первых раскольничьих поселений была выговская община в Поморье. Она стала одною из метрополий беспоповщинского старообрядчества. Условия ее существования были крайне тяжелыми. Приходилось завоевывать жизнь среди суровой девственной природы, «пашни пахати по межам и по лесам». Община была отрезана от всего остального мира полным бездорожьем. Выговцы завоевывали свое право на существование, проводя полумонашескую, полукommунистическую организацию. Было введено строгое разделение труда, устрены особые мастерские: «кельи лучину шепати», «чеботная швальня», кирпичные заводы, кузницы. «Чиноположение» гласило: «Все иметь в казне общим, у себя не иметь ни денег, ни платья, ни иных вещей», «трапезу иметь всем общую, кроме немощных». Так устроились «вышнего Иерусалима граждане, в дебрях живущие»...

ПРОВОЖАЯ нас, расторопная Мария рассказала свою судьбу, свой путь к вере истинной:

— Приехала с Волги. Не было веселее и беззаботнее меня, пока не занедужила. Как перестала ходить, свет померк в глазоньках моих. Восемь лет болела, ни один профессор помочь не смог. А вот окрестилась и выздоровела. Эвон сумки какие таскаю, матушек обихаживаю. Вчера дыньки принесла, намедни за арбузами бегала.

— А почему старообрядческую веру приняли?

— Прежде в никонианской церкви молилась. Как узнала, что все одно антихрист придет, поехала в Ригу, хотела понять, почему раскол произошел. Вот и поняла: как деньги бывают настоящие и фальшивые, так и вера.

— Пожелайте нам на прощанье что-нибудь, — прошу я красавицу Марию.

— Призывайте к себе бога хоть немножечко. Мир-то обветшал, кончина на носу, эвон как окверняем его...

Не пусты речи послушницы. Вспомнился вдруг обезглавленный Чекмарь, убийцы — БелАЗы у его подножия. Ведаем ли, что творим? Близ Гусяковки лежит могильная плита, на которой выбиты слова:

«Здесь покоится прах бога Федора».

Как интересно, подумалось мне, раньше и боги меж нами ходили. Где и когда схоронили мы последнего из них?

Как разрушали Покровский собор

Идея о восстановлении в Усть-Каменогорске Покровского собора с недавних пор овладела умами многих горожан. Активные сторонники ее считают, что собор был самым значительным историческим памятником города, местом, где когда-то собирались их отцы и прадеды, единились «в общих молитвах, обрядах, в уповании и таинствах». (В. Розанов).

Церковь была построена в 1882—85 годах. В 1888 г. к ней были пристроены два крыла. Образовался Трехпрестольный Покровский храм. Построен он на деньги торгового дома «Петров и Михайлов». В 1889 году храм переименован в собор, к которому назначались протоиерей, священник, три дьякона и два псаломщика.

Собор был типичным для русского провинциального зодчества конца XVIII начала XIX века. Устойчивое основание и лаконичность массивного кубического объема сочетались со строгим геометрическим орнаментом, создавали ощущение небывалой торжественности. Простая отделка фасада дополнялась декоративным обрамлением арочных окон.

В 1893 году при соборе было создано церковно-приходское попечительство, ставшее своеобразным центром милосердия, помощи старым и немощным. На средства попечительства была построена в заречной части Ульбы приписная церковь.

Богатым было внутреннее убранство собора. В областном госархиве сохранилась опись его имущества, составленная первого декабря 1917 г. Одни названия внушают благоговение. Старые русские слова: хоругви бронзовые позолоченные, посеребренные лампады на медных цепях, подсвечники для трех иконостасов... Девять колоколов (самый тяжелый — 162 пуда 35 фунтов). Напрестольное Евангелие с бархатными корками. Престолы облачались в желтые, голубые, красные парчовые одежды. Бархатными и парчовыми подушками накрывались сосуды. Для царских врат имелись желтые, розовые и голубые шелковые завесы.

Началом разорения собора можно считать весенний день 11 мая 1922 г., когда был составлен акт по изъятию церковных ценностей. Изъято, точнее, награблено было всевозможных напрестольных крестов, окладов, риз, потиров, дисков, звезд, кадил общим весом в 39 фунтов три золотника и 60 долей.

В 1930 году на общем собрании рабочие коммунального хозяйства города как один отказались от «опиума для народа» и самочинно объявили Рождество (7 января) Днем индустриализации, а также приняли во внимание, что «собор стоит без действия ввиду малопосещаемости сочувствующих религии», и просили вышестоящие органы «об отдаче в кратчайший срок собора под обслуживание культурных нужд для города». Кроме того, предложили «произвести сбор ценных вещей религиозного культа в помощь поднятия культуры нашей страны». Просвещенный народ были эти коммунальщики.

«Секретно, срочно» — под таким грифом 10 апреля 1935 года на имя председателя облисполкома полетела докладная председателя Кировского райисполкома Крайнева:

«Верующие, именуемые себя тихоновцами, узнав о решении горсовета в части использования собора под культурные цели, ведут усиленную работу вплоть до открытых выступлений за присвоение собора. Ходят по городу нелегально и обманно, т. е. искажая суть о передаче собора, вербуя подписи детей, составляют списки протестов, несмотря на предупреждение горсовета. Прошу срочно ответить, что предпринимать и дать нам полное указание, вправе ли мы использовать помещение (собор)».

Примерно в те же дни городской прокурор получил заявление приходского совета Покровской православной общины, в котором утверждалось, что «доказательства об отказе общины от собора, представленные председателем горсовета Головченко, не заслуживают доверия и являются явно фальшивыми. Община никогда не отказывалась от обладания собором, а последний был отнят у нее противозаконными действиями».

Догадывались ли авторы этого послания, чего оно им будет стоить? Не дети. Обвиняя «голову» города во лжи, они осознанно выбрали свою голгофу. Судьбы их были predeterminedены. В одной архивной связке то заявление приходского совета шито с двумя зловещими списками. Первый — членов приходского совета. Их имена: Матвей Авторенко, Сергей Шуенко, Мария Петрова, Анастасия Жарликова, Андрей Гусев, Александра Скосырская, Ефим Никулин, протоиерей Николай Быстров. Второй список — лиц чуждо-классовой прослойки. В нем 33 фамилии. Например, Скуратов Владимир Петрович до революции служил в жандармской охране, участвовал в разгоне рабочей стачки на золотых рудниках Алтая. Жена колчаковского офицера Глухова. Сидонский Виталий, сын попа. Першин Иван, дьякон из села Отрадное. Мулла Котбидинов. Заканчивается второй список именами членов приходского совета в том же порядке, в котором их перечисляет первый. Напротив каждой фамилии — точный домашний адрес. Чье перо нацарапало в 1936 году эти обе бумаги, мне не известно. Догадливый автор предумышленно умолчал о себе. Что стало дальше со всей этой «чуждо-классовой прослойкой», сегодня объяснить, кажется, никому не надо.

Против восьми подписей членов приходского совета председатель Усть-Каменогорского горсовета Головченко выставил 1400 подписей «сознательных» граждан, ходатайствующих о передаче собора под культурные нужды. «Список подписей продолжает поступать, — сообщил Головченко. — Запущенное здание собора требует затрат на его восстановление... Мы отдали помещение собора под элеватор».

Но даже став «элеватором», собор по-прежнему мешал чиновникам, мозолил им глаза своими золотыми куполами. 16 февраля 1936 г. президиум облисполкома, заслушав ходатайство Кировского РИКа «О ликвидации молитвенного здания в Усть-Каменогорске», согласился с его доводами и постановил «просить Президиум КазЦИК об утверждении ликвидации означенного молитвенного здания. Зам. председателя облисполкома Гумен, секретарь Нурманов». Справедливости ради стоит назвать также имя этого настойчивого «ходатая» — председателя Кировского РИКа в 1936 г. Парманова Павла Александровича.

Окончательное решение о разрушении собора принимается 31 мая 1936 года на пленуме Усть-Каменогорского горсовета. Читая протокол, я невольно ужаснулся той будничности, с которой подписывался смертный приговор храму божьему. В повестке дня основным значился отнюдь не «соборный» вопрос. Слушали доклады о ходе отчетной кампании, народном образовании, отчет горжилсоюза, а в конце приняли решение по двум организационным вопросам:

«1. О разборке здания бывшего собора. Постановили: в связи с тем, что здание собора приспособить под новое здание без вложения громадных сумм невозможно, пленум находит целесообразным его разобрать, использовать материал на нужды местного строительства.

2. О создании штата дворников. Постановили: с созданием института дворников согласиться. Председатель горсовета Захарченко».

— Сначала собор попытались просто разобрать, но не смогли. — вспоминает старожил Усть-Каменогорска Мария Афанасьевна Юрьева. — Пришлось взрывать. Но собор еще долго стоял. Год — полтора. Мы хоть и комсомольцы были, а все равно жалели. Такая красота!

Красота эта между тем подарила властям 53100 рублей чистого дохода. По приходно-расходной смете 200 тысяч штук кирпича было продано ново-стройке маслоэкстракционного завода. Как утверждает коренной житель города Юрий Афанасьев, из «соборного» кирпича на маслозаводе сложили.. трубу.

А рубль те разделили на две равные части и пустили на два «неотложных мероприятия: на устройство памятника С. М. Кирову в Усть-Каменогорске и на финансирование горэлектростанции..»

Оставим второй, поговорим о «неотложности» первого. Как вспоминает М. Юрьева, идея поставить памятник Кирову осенила Парманова, он сам заказывал его, ездил ради этого в Ленинград. Но вот тот же Парманов в сентябре 1936 года слушал сообщение начальника комплексной экспедиции Наркомздрава СССР врача Бенштейн о состоянии детдомов в Усть-Каменогорске. Президиум Кировского райисполкома констатировал:

«Дома перегружены. Корпус № 3 имеет 40 коек на 56 детей. Трахоматозный изолятор — 25 коек на 35 человек. Санитарное состояние совершенно неудовлетворительное. Недостаток одежды, белья, матрацев. Одежда и учебники лежат под подушками. Грязь и вшивость, а также беспорядок во всей жизни. Питание однообразное и недостаточное. Дошкольники большую часть суток проводят с малограмотной няней, а школьники толпами убегают на базар. Дети годами не выписываются из больницы. Райисполком постановляет:

..7. Учитывая то обстоятельство, что средства на ремонт детдомов в связи с их большой ветхостью превзошли ассигнования (30 тысяч рублей вместо трех тысяч), просить облисполком покрыть разницу в 27 тысяч рублей...».

Не знаю, покрыл ли облисполком эту разницу. Не уверен. Точно скажу одно: 26500 рублей Кировский райисполком в это же самое время ничтоже сумняшеся тратит на сооружение памятника Кирову «Неотложное» мероприятие! Характерная деталь: по сей день на корешке каменной книги, на которую левой рукой опирается Киров, выбито страшное слово «СТАЛИН».

По обочине будущего проспекта Победы в центре Усть-Каменогорска тянется тропинка, вымощенная большими каменными плитами. Это соборные плиты. Когда-то верующие шли по ним к храму. Ныне они выводят на пустырь позади городского пивзавода.

Берестяные письма ГУЛага

«Хотелось бы всех поименно назвать».

А. Ахматова.
«Реквием».

В новой книге нашего земляка С. Черных есть статья о литературном объединении «Звено Алтая». В 1921 году его первыми членами были писатель Н. Анов, педагоги Б. Лапин и М. Иванушев. В архиве Анова сохранилась старая афиша литобъединения:

«Горклуб, 26 апреля 1922 года. В среду в девять часов вечера выйдет № 3 устного литературно-художественного журнала «Звено Алтая» при участии поэтов-звеноалтайцев. Весь сбор — на содержание голодающих детей Поволжья, которые придут с первым парходом в Усть-Каменогорск. Входная плата — 3 фунта муки. Для неимущих — 25 тыс. рублей. Предварительная продажа билетов за муку — в торговой лавке».

Кто бы поверил тогда, что настанет время и «Звено Алтая» будет названо антисоветской контрреволюционной организацией. Мне самому об этом стало известно лишь в связи с поиском материалов о трагической судьбе Бориса Николаевича Лапина, преподавателя русского языка и литературы школы второй ступени, а также постоянного руководителя литобъединения.

В справке, полученной из архива управления КГБ, в частности, указывается, что Б. Лапин, 1897 г. рождения, органами НКВД был арестован 29 октября 1939 года по обвинению в проведении антисоветской агитации. В предъявленном ему обвинении указывалось, что «являясь членом антисоветской контрреволюционной организации «Звено Алтая», проводил антисоветскую агитацию и пропаганду среди молодежи и интеллигенции, вел индивидуальную обработку людей в антисоветском духе, выступил с антисоветской речью на собрании среди слушателей литературного кружка. Выступая в печати как литератор, воспевал в своих произведениях старую уходящую Русь, кулачество и старый кержацкий быт, стремился вызвать у читателей жалость к разрушенному капиталистическому строю и к остаткам разбитых врагов Советской власти». Решением Особого Совещания НКВД СССР от 31 марта 1940 г. Б. Лапин был заключен в лагерь на пять лет.

Основанием для этого решения послужили показания одного из основных свидетелей Кольцова (фамилия изменена, он был также арестован по обвинению в шпионаже и антисоветской агитации), в которых указывалось, что Б. Лапин «являлся противником Советской власти, об этом свидетельствует его выступление на заседании кружка «Звено Алтая» с контрреволюционной речью против произведения Н. Иванов (Анова), описывающего эпизод гражданской войны, открытое, циничное иронизирование над мероприятиями советских органов». Впоследствии Кольцов откажется от этой напраслины, потому что «данные показания являются вымышленными в силу морального и физического воздействия со стороны следствия». Сам он в 1957 году был реабилитирован Военным трибуналом Туркестанского военного округа.

А вот Борис Николаевич Лапин своей реабилитации не дождался. Она пришла к нему слишком поздно — лишь в мае 1989 года. Одно утешение — до его реабилитации дожила любимая дочь Софья. В ее квартире с чисто выбеленными стенами сохранились вещи из родительского дома: комод, этажерка. Фотографии отца. Его письма. Сейчас Софья Борисовна держит их в своих руках и говорит:

— В тот день я вернулась из школы, следом в дом вошли трое и спросили: «Где отец?» — «На уроках», — ответила я. Они стали делать обыск. Пригласили соседей, которые были очень удивлены. Забрали только книжку со стихами Есенина, папину тетрадку с акварельными рисунками и письмо его старшего брата из Томска. А больше — ничего.

Когда папу повели, я заплакала. Утешая меня, он говорил: «Успокойся Соня, я скоро вернусь, это какое-то недоразумение». Но он не вернулся.

— За что его взяли?

— По доносу, наверное. Папу любили и уважали все, кто его знал. Он был редкостно душевный человек. Ученики в нем души не чаяли, они постоянно толпились в нашем доме. На уроках папа любил сам читать стихи. Наизусть он знал их очень много.

Действительно, Борис Николаевич был хорошо образованным человеком. В 1914 году закончил семь классов Томской гимназии, общество любителей художеств направило его в Петербургскую художественно-промышленную школу. Там он временно посещал занятия в Институте изящной литературы. Во время службы в царской армии закончил фельдшерскую школу и получил звание ротного фельдшера.

Один из его учеников М. С. Тыцких так вспоминает о своем учителе:

— В моей памяти о Борисе Лапине сохранилось впечатление как о человеке высокого душевного благородства.

Рвущимся голосом, полным невысказанного, но уже выплаканного страдания, Софья Борисовна рассказывает о последнем свидании с отцом:

— Кто-то сказал нам, что в такой-то день их будут этапировать. Пришла вечером на ст. Защита. Видим, сидят на земле кружками. Папа увидел нас, снял фуражку и помахал нам. Хотя и бедно жили мы, но в дорогу ему кое-что собрали: помидоры с огорода, кусочек масла, хлеб да десять рублей разменили. Но передать это всем нам не разрешили. Подойти и попрощаться — тем более. Еле-еле я уговорила конвоира взять деньги, дескать, отцу на куреве. А потом были только его письма. Вот эти sample.

Я беру их в свои руки. Пожелтевшие, плотно заполненные мелким, но разборчивым «учительским» почерком. Два или три из них, очень плотных и почему-то слишком белых, сразу остановили мое внимание.

— Странные письма, — сказал я.

— Это из бересты, — подсказала Софья Борисовна. — Отец часто жаловался, что в лагере нет бумаги. Приходилось писать на бересте да на газетных листах.

Читаю обратный адрес: Читинская область, Джентилакский район, Тында, п-я 210/1, «Красная заря». Есть письма, отправленные из лагерной больницы «Орлы» (там даже названия издевались над человеком).

«20 января 1943 года. От вас ничего кроме Сониной открытки. Тоска грызет, пугает неизвестность, что делается у вас. Живы? Нет? Дни бегут, истекая соками жизни. Не сердитесь, хорошие мои. Все эти горькие слова от печальной любви к вам, от смертного ужаса за семью, от дикого бессилия. Хочется так музыки Шуберта, Вагнера, ледниковых вершин Алтая, девичьего смеха в саду с сиреневым ароматом и тихой в сумерках беседы с любимой женой — другом. Гудит опоздавшая в улей пчела, на столе свежий номер художественного журнала».

— Отец часто ходил с красками и этюдником на Бабкину мельницу, — вспоминает Софья Борисовна. — Брал с собой меня с моими подругами. Он работал, а мы носились вокруг. Как мы были счастливы! Однажды он привез полную брычку арбузов, и мы перекидывали их в амбар. И столько было в те минуты веселья и смеха! — помолчав, моя собеседница горестно закончила. — Вообще, пока отец жил с нами, мы были счастливы. А теперь... а теперь на Бабкиной мельнице одни гаражи.

«8 апреля 1943 г. Счастье мое, радость жизни — любимые и единственные — Катя, Соня, Галя. Вчера получил от Сони и Гали по одной открытке. Могу ли передать на этой берестяной открытке свою радость! Каждое слово ваше, нежное, как распускающийся сейчас подснежник, или сладкий березовый сок, живительным бальзамом наполняет натянутые струны нервов. Если теперь каждую пятнадцатку буду получать от Вас письма, может быть, и дождусь окончания срока.

Пишу письмо, конечно, бедное. Берестяное. Нет бумаги, нет хим-карандаша... Цветет ли мой сад?»

«13 апреля 1943 г. Любимое дитя! Весна и у нас звенит, но ее звон подневольный, полярный. Солнышко почти не греет, а земляника мерзлая. Спасибо, что сохранили садик, розы. Чаше ходите в кино, театр. Нужно заботиться и о красивой одежде, она украшает вашу юность. Работая среди комсомольцев, ты, Соня, должна окружить себя этой юностью, руководить ею весело, умно, культурно. Нельзя ныть в ваши годы. Сердечный друг мой, Соня, как бы хотелось поцеловать твои ясные глаза».

А вот особенное письмо. Борис Николаевич написал его поперек печатных строк некой пропагандистской брошюрки. Под заголовком «Энергичный агитатор» я разобрал такие слова:

«Домохозяйки Пионерской улицы города Няндомы тепло отзываются о работе энергичного агитатора Натальи Никоноровны Поповой, зав. библиотечной клуба им. Ленина. «По сталинскому пути» называется стенная газета, которую организовала тов. Попова. В период избирательной кампании домохозяйки писали в газету о счастливой и радостной жизни свсей, готовности голосовать за кандидатов сталинского блока. Нередко здесь появлялись стихи, в которых отражалась радость трудящихся за сталинскую Конституцию».

Поверх этих строк заключенный Лапин писал своим крохотным карандашом:

«Послал вам свою берестяную открыточку, дойдет ли? Бумаги нет, а почтовские недолюбливают полярные березы. Я сейчас совершенно не представляю себе будущего существования в вольных условиях. Какой-то дамоклов меч висит над моей седой головой. И кажется, когда стукнет час вольности, он опустит свое лезвие, и глаза мои так и не увидят мою семью. А я живу только вами. Все эти 1260 дней и ночей хожу, как слепой.. По всей вероятности, когда настанут эти минуты — растеряюсь, буду долго болеть замкнутостью и неприспособленностью к новой жизни, боясь как бы кто не одернул, не оскорбил косым взглядом человека, побывавшего в лагерях. Хорошо, если на помощь придет очередной паралич... Может быть, ничего нет странного в том, что меня до сих пор волнуют малейшие события в стране, фронт, художественная литература, кино. Я как-то наперекор действительности ежесекундно продолжаю жить не лагерной жизнью, а той, что за зоной. Недаром, товарищи говорят, что я не от мира сего».

Запомнил ленинские слова о том, что враг таится и среди своих близких, с ним надо бороться до конца. Конечно, как Кате, так особенно Соне и Гале, часто приходится ставить перед собой вопрос: кто же в конце концов Б. Лапин, и как нам держать себя в обществе? Вы комсомольцы, я заключенный. Разрешить этот вопрос можно только самостоятельно и твердо, навсегда, без жалости, не коверкая своего светлого будущего. Я же был и остаюсь вашим отцом и мужем..

Будем крепкими друзьями, и рука об руку пойдем после 540 оставшихся дней заключения по широкой дороге Ленина — Сталина».

«Май и июнь я болею, лежу в больнице. Сначала сердечные удушья, потом желтуха с болезнью почек и печени, а сейчас легкие болят. Врач говорит, что у меня плеврит. По вечерам температура 39 и больше. Каждый день дают по кружке молока... Я очень рад, девушки, что общественность имеет о вас хорошее мнение и что вы честно выполняете первомайский сталинский приказ о работе. А как цветут розы? Вы их рассаживали или они измельчали?»

У меня очень слабое зрение. Сейчас пишу в чужих очках. При острой болезни меня лечат. И не плохо. Здесь известные медики из числа заключенных. Вот поправлюсь и буду проситься на фронт в качестве военного фельдшера. До сих пор отклоняли просьбу.

Зубов осталось всего ничего, выпал весь протез. Наплевать, только лицо изменилось. Передних зубов нет, губы провалились. Крепко всех целую, желаю только одной прекрасной жизни, а она во всем и везде в СССР».

«Лежу все в той же больнице, но едва ли до осени выживу — кровь горлом идет и сердце едва-едва бьется. Инвалидов пока не освобождают. Я уже третий раз признан комиссией на 10 процентов инвалидом, больше двух лет лежу на больничной койке, да и срок через два месяца кончается».

Пишите чаще, быстрее доходят открытки — их, видимо, неудобно раскуривать. Срок кончается 28 октября 1944 г.»

«26 августа 1944 г. За телеграмму с меня взяли еще сверх оплаченного семь рублей, т. к. она отправлена «молнией», денег не было заплатить, пришлось кусок хлеба отдать. Здоровье плохое. С трудом дышу, да и кровь идет из легких. Здесь начинается осень, так тоскливо. Советую дочиста собрать весь урожай из сада и с бахчей. Что можно, засушить, засолить. Каждое зернышко сохрани, всю мелкую морковь и картофель выкопай. Должен известить, что вчера я получил от управления лагеря — прокурора — извещение, что должен быть освобожденным по окончании срока наказания, т. е. в октябре сего года, в чем и расписался. Кроме того, сейчас, кажется, есть приказ, в котором говорится, что освобожденные могут ехать куда хотят. Если все это правда и исполнится — буду проситься в Усть-Каменогорск, а потом все вместе уедем в Киев, к Соне. Надоело мне жить в Усть-Каменогорске да и вообще в Сибири. Нуждаюсь.. в солнышке, фруктах. Хорошо бы на Кавказ, в Грузию. Но как-то не верится, что меня могут освободить по окончании срока — тогда ведь я смогу приехать к Октябрьским торжествам. Только вот холода наступают, а я без обуви, без теплой одежды».

12 октября 1944 г. он написал, последнее письмо своей жене Екатерине:

«Тяжело считать оставшиеся дни заключения, а еще хуже неизвестность. Что будет? Очень боюсь ехать. Нет теплой одежды, обуви, питания, денег. Много пересадок на станциях, а я ведь харкаю кровью и с трудом хожу с палкой. Будем надеяться на скорое свидание, а если не дадут освобождения — придется умирать одиним».

— Денег на то, чтобы ехать за папой и сопровождать его, у нас не было, — говорит Софья Борисовна. — И мы не дождалась его. Два месяца спустя получили извещение о том, что он умер 25 декабря. Стало быть, умер в лагере. Где похоронили — не указано.. В лагере папа рисовал картины и посылал их в Москву, в надежде, что там кто-то обратит на них внимание. Наивный и добрый наш папа..

«Здесь уж осень, только не та наша осень, которую вы, мама, любите, а серая, ровно кто застлал небо солдатской или арестантской шинелью...»

Из письма заключенного.

Южно-Сибирский Шлиссельбург

От дома до тюрьмы я дошел за три с половиной минуты. Оказалось, живу рядом с тюрьмой, она в центре Стрелки, этого самого фешенебельного района, если слово фешенебельный вообще применимо к нашим городским застройкам. Стрелка построена на месте бывшей крепости. Старая тюрьма почти все, что от нее осталось...

Сержант Таня принимала передачи. Дожидаюсь своей очереди, изучаю инструкции на стене (а вдруг пригодится: от сумы и тюрьмы не зарекайся). Запомнилось почему-то, что из предметов первой необходимости заключенным разрешено передавать стержни только черного, синего и фиолетового цветов. Почему нельзя красные и зеленые? Это, наверное, тайна.

— Не страшно? — спрашиваю у симпатичного сержанта по дороге в тюрьму.

— Привыкла, — отвечает она.

— Вы, верно, единственная женщина здесь?

— Ну, что вы! Третья часть контролеров — женщины. Я раньше тоже на посту стояла...

35-летний начальник следственного изолятора Болатбек Закимович Акпебаев допытывался, о чем я намерен писать.

— Поговорим вначале об истории.

В ответ на это майор Акпебаев вспомнил, что когда-то на территории хоздвора был найден надгробный камень. Камень отнесли в музей, а текст выбитой на нем надписи начальник СИЗО хранит на своем столе под стеклом:

«Под сим камнем погреблено тело бывшего в крепости Усть-Каменогорск комендантом секундмайора Варфоломея Васильева, сына Веревкина, Российского Дворянина Белгородской губернии города Карачева, который верно отечеству служил с 1742 года...»

Тюремное начальство верит, что их следственному изолятору никак не меньше двухсот лет, потому как его летоисчисление ведут с 1720 года. Зам. начальника СИЗО — майор В. Воропаев с увлечением рассказал давнюю историю о том, как в 1719 году из Санкт-Петербурга в верховья Иртыша был командирован для отыскания месторождения золота майор Лихарев, который «возвращаясь, для защиты на будущее время крайних границ Сибири от джунгар, заложил крепость у каменных гор, из которых выходит Иртыш как из ворот, откуда получилось наименование крепости, а потом и города». Точно назвать год постройки крепостной тюрьмы теперь сложно. Известно, что в 1765 году крепость сгорела дотла, но уже следующим годом помечен план крепости, на котором указана тюрьма и при ней караульная, а также винный погреб, провиантский магазин, офицерские светлицы, драгунские казармы. В областном историко-краеведческом музее я рассматривал Генеральный чертеж крепости 1801 года. Каторжной тюрьмы на нем нет, но указана каменная гауптвахта, а на месте теперешнего СИЗО стоял «генералитетский» дом.

В «Списке государственных преступников», составленном 11 декабря 1829 года, значатся фамилии участников Польского восстания Ивана Высоцкого и братьев Ордынских. До них в Усть-Каменогорской крепости томился декабрист С. Семенов, человек добрый, со стойкими, независимыми и честными убеждениями.

В конце прошлого столетия каторжная тюрьма была упразднена, в «Определении Семипалатинского областного по городским делам присутствия» сохранилась запись за 1888 год: «В Усть-Каменогорск воспрещена законом ссылка преступных лю-

дей.. Население города составляют жители купеческого и мещанского сословия и самое незначительное число разночинцев, проживающих по паспортам. Случаи, нарушающие тишину и спокойствие, очень редки».

Вторым рождением тюрьмы стал 1901 год, когда было возбуждено ходатайство о переносе тюрьмы на другое место. Речь, впрочем, шла не о крепостной тюрьме, а о тюремном замке, построенном в 1872 году на углу Андреевской улицы, напротив нынешнего детского парка им. Джамбула. Городским властям показалось нетерпимым расположение тюрьмы в центре города, да и сам замок из-за ветхости постройки требовал капитального ремонта. И тогда были предложены три участка. «Первый — принадлежащий городу, второй — кабинету его Величества, третий — расположен на территории крепости и тем желателен, что здесь находится здание упраздненной каторжной тюрьмы». (Копии приговоров Собрании Уполномоченных г. Усть-Каменогорска).

В гражданскую тюрьму прозвали Южно-Сибирским Шлиссельбургом. Сегодня название не вполне подходящее. Когда-то жандармский генерал Оржевский сказал о Шлиссельбургской крепости как о «совершенно обособленном убежище, где здание скрыто за высокими массивными стенами» («История царской тюрьмы», проф. М. Гернет). Про Южно-Сибирский Шлиссельбург теперь этого сказать нельзя. Со второго этажа соседнего общежития легко наблюдать происходящее за тюремным забором, поднимись повыше и увидишь, как прогуливаются во внутренних двориках заключенные, если захочешь, можно рассказать им свежий анекдот...

— История — это хорошо, об истории писать надо, — дымя сигаретой «Дюбек», рассуждает майор Акпебаев. — Но лично для меня важнее сказать о том, в каком убогом состоянии находится изолятор. Мы много говорим о гуманизации мест лишения свободы, а людей вынуждены содержать в тяжелых условиях. А ведь то, что они преступники, еще судом не доказано.

Путешествие по тюрьме начинается с Белого корпуса. Решетчатые двери, длинные, точно ольмычки, ключи от камер, визг отпирающихся задвижек, тусклый свет и гулкое коридорное эхо — все было как в фильмах Юлиана Семенова.

...Седой человек заваривал чай в консервной банке над бумажным костром. Пустой электрический чайник валялся рядом.

— Зато мы полы вымыли, — пошел ва-банк этот старый зек, сморщенный точно яблочный огрызок.

Стеной встали его 12 сокамерников. Пожалуй, это было не самое счастливое зрелище. Сквозь дымный полумрак на меня посмотрели потухшие и точно изжеванные лица.

— Зачем вы коптите в камере?

— Да там бумажки, чего от них? — угрюмо отвечал бородастый дядя в синем трико в обтяжку. — В чайнике не заваришь как следует. И чай одна солома.

— Ну, все нормально? — спрашивает начальник.

— Нормально.

— Жалобы, заявления?

— Нет.

— Сегодня отоварка должна быть?

— Была.

Вперед протиснулся простуженный толстяк:

— Вот насчет этого самого, там хоть бы миску под рыбу давали. Да и соли не дают. Постоянно соль не дают. Соль просить, в натуре, что такое?

— Соль дается по норме, — сказал начальник.
— А если денег нет?
— Трех копеек?
— У меня все родственники здесь, а сообщить, чтобы деньги передали, не могу.
— Через следователя передайте.
— Дык и следователя не вижу... И это самое, рыбу куда вываливать? Почему с миской нельзя подать?
— В каждую камеру по миске, это сто с лишним мисок, — строго заметил майор Воропаев. — Рыбу советую на хлеб класть.
Зеки радостно загалдели.

Самое сильное впечатление в камере оставили ложки. Такие крепенькие оловянные ложечки с необычно короткими ручками.

— Разве ими можно есть?

— Это чтобы животы себе не вспарывали, — пояснил майор Воропаев. — Еще они обжигаются, что полотенца короткие. А почему? Один оторвал кусочек, поджег и скипятил себе чаек. Другой оторвал, третий... А полотенце дается одно на полгода. Вас за год проходит больше шести тысяч.

В карцере мне понравились стены. Не эта узкая, точно гильза от гаубичного снаряда, параша, не этот игрушечный стол, влитый в цементный пол, не эта голая деревянная кровать, а именно стены.

— Мы их специально «под шубу» сделали, — сказал майор Воропаев, — чтобы не царапали.

— Очень похоже на могилу, — похвалил я.

Из карцера однажды убежал арестант. Ложкой выцарапал из дымохода кирпич, сначала один, потом другой. Ночью вылез на крышу. Черный как негр. Спустился по водосточной трубе, перелез через забор и ушел спать к женщине. Там его и взяли, из объятий вырвали. А что делать? Режим есть режим.

Красный корпус по паспорту значится одиночным. Здесь особо опасные. Левая угловая камера особая. В ней сидел Яков Ушанов, первый председатель Усть-Каменогорского совдепа. В истории тюрьмы годы революции были самыми кровавыми.

«Летом 1918 года в Омске было организовано Сибирское временное правительство из эсеров и меньшевиков во главе с Вологодским. В первые же дни прихода к власти новое правительство начало расправу над революционными массами, Усть-Каменогорская крепость была превращена в тюрьму, в страшный Южно-Сибирский Шлиссельбург. Со всех сторон Прииртышья и Алтая сюда направлялись арестованные. В одиночках помещались по четыре-пять человек. Люди спали вповалку на голом каменном полу. В камере № 13 сидели Ушанов, Машуков, Ослопов с братьями. В ночь на 12 июля белогвардейцы учинили расправу над Машуковым. Его вызвали в коридор и ударом шашки срубили мясо с кисти, а затем стали стрелять... Ударом приклада в камере был убит парикмахер. В октябре ночью в тюрьму пришли пьяные офицеры и выстрелом в окошечко ранили Ушанова...» (С. Герасимов, «Установление Советской власти в Усть-Каменогорске»). Осенью того же года тюрьму проведаль атаман Анненков, его черные гусары носили веселый девиз: с нами бог и атаман Анненков.

Самая большая кровь была пролита летом 1919 года. Вот текст секретного донесения управляющего Семипалатинской областью Самойлова:

«В ночь на 30 июня в Усть-Каменогорской крепостной тюрьме, где содержалось большинство политических, взбунтовались арестованные. Обезоружили тюремную стражу и часть местной команды,

арестовали начальника гарнизона полковника Познанского и других офицеров. Благодаря решительным мерам войскового старшины Ляпина, мятежники были окружены в крепости, их попытки прорваться успеха не имели... Казаки вместе с местной командой перешли в наступление и в короткий срок захватили крепость, а в ней всех мятежников, которые понесли заслуженную кару. В крепости нашли изуродованный труп полковника Познанского. Наши потери: убиты прапорщик Скворцов и семь казаков и солдат, ранены семь человек. В городе порядок поддерживается «образцовый...»

В камере Якова Ушанова теперь сидит Бабин, привлеченный к суду за убийство, грабеж, угон автомобиля. О времена, о нравы...

— Это блок ИМН (т. е. приговоренных к исключительной мере наказания), — с особым значением сказал майор Воропаев. — Здесь четыре камеры.

Радиофицированные каменные гробы. Ни передач, ни писем с воли, запрет на прогулки, в баню под усиленным конвоем и ежеминутное ожидание казни. Ответ на кассационные жалобы идет долго.

Сексуальный маньяк Юрий Ануфриевич Иванов, 1945 года рождения, на помилование не надеется.

— Хотите взглянуть? — предложил Виктор Лаврентьевич Воропаев.

Я нагнулся к глазу. Плохо выбритый мужчина, в полосатой пижаме, с закатанными до колен штанинами, босой, сидел и читал свежий номер «Ленинской смены». Напротив лежала нарисованная шахматная доска. Почувствовав мой взгляд, Иванов повернул голову. Глаза наши встретились.

— Шахматы им не положены, — заметил майор Аглебаев. — Были случаи, когда глотали целые партии.

— А Иванову разрешили?

— У него фигуры из хлеба.

— Как он ведет себя?

— Фуфайку повесит перед собой и часами говорит с ней...

Выйдя из Красного корпуса, я на секунду ослеп от белого света. Шел снег, на тюремном дворе он казался особенно чистым и почти теплым точно язык ухоженной болонки. Майор Воропаев шел рядом и клял этот бесконечный снег, который снова придется вывозить на машине. А я жмурился от яркого света, с наслаждением вдыхал дым морозной сигареты и представлял, что часа через полтора поднимусь в кафе на речном вокзале, где всегда солнце и где меня уже ждут мои друзья, я сяду и быстро втянусь в обычный насмешливый треп, а под конец, может быть, скажу тост в честь «Ленсмены», потому что если человек перед смертью просит не Библию, даже не политическое завещание Ленина, а именно «Ленинскую смену», значит, эта газета стоит чуть больше, чем три копейки...

В тюремной мастерской зеки сколачивают ящики для маслосаптарационного завода. Это, конечно, лучше, чем пересыпание с места на место кучи песка, что было первой формой труда в Шлиссельбурге, но хуже, чем работа на 12 огородах, превративших каменистую пустыню в цветущий сад, каковым северный Шлиссельбург стал к моменту своего закрытия в 1905 году. В Южно-Сибирском Шлиссельбурге спустя 85 лет зеки сбивают тарные ящики, но и этой работы хватает не всем. За порядком присматривает здесь бывший надзиратель, ныне пенсионер Виктор Дмитриевич Черных, служивший в крепостной тюрьме еще при Берии.

РАССКАЗ БЫВШЕГО НАДЗИРАТЕЛЯ

— Пришел я сюда после демобилизации, в конце ноября 1951 года. Десять лет работал. Много изменилось. Режим, конечно. Сама постройка. В одной камере сидело по двести человек. Сейчас распределяют: хулиганов отдельно, воров отдельно. А тогда все чохом сидели. Бендеровцев караулил. Их этапом сюда привели. Ребята были рослые, вели себя очень достойно, религию свою почитали. Перед обедом молятся, утром молятся. До чего сплоченные были.

В 53-ем началась большая амнистия. К осени многих отпустили. Человек по 30—40 каждый день выводили, выдавали паспорта и отправляли. Но прежде был большой бунт. Это уже после смерти Сталина. Бендеровцы наказали малолеткам, чтобы те после прогулки в камеры не возвращались. Так все и было. Малолетки начали орать, дескать, бьют их. Ну и пошло, пошло. Потом что творилось, это ужасно. А ну как зараз человек 800 сидело! Бендеровцы хватали длинные лавки и вышибали ими двери. Из камер никто не выходил, понимали: начнем стрелять.

Выбили все двери. Тюрьма гудела. Мы выходили за ограду и слушали. Гул, треск, свист. В Красном корпусе сидели смертники. Они тоже вышли из камер, нашли картотеку и сожгли. Но из тюрьмы не вышел никто. Ну, потом солдат вызвали, пожарные машины. И начали утихомиривать. Борьба шла больше суток.

— Что изменилось с тех пор?

— Что можно было при Берии? Произвол был. Заключенный не тот, что теперь, Я сам выводил по 20—30 человек. И чтобы кто-то головой мотал? Не-е-т.. Режимчик был хороший, у-у! Если вели заключенных по городу, от нас шаркались даже машины.

— Приятно было?

— Слушай, уважали нас. Я в форме, бывало, зайду в магазин, в очереди женщины, так они тебе: проходите, проходите, берите, что вам надо. Не удобно даже. Уважение какое! А сейчас? Тьфу! Один раз сам наблюдал, как у милиционера сумку проверяли, дескать, покажи, что выносишь. До чего дожили?

— А лично вы знали о произволе?

— Знал, конечно. Произвол был, что там говорить. Но знал и молчал. А что я мог сделать? Правда-дубинок тогда не было, зато были смиренные рубашки. Заталкивали в нее и кого надо и кого не надо. Не понравился надзирателю зек, туда его, обязательно в рубашку надо затолкать. И били до полусмерти. Ребра ломали.

— Кормежка в тюрьме лучше стала?

— Да, я смотрю сейчас в тарелки и думаю: на воле так некоторые не покушают, как в тюрьме. Мясо каждый день, в борще свежая капуста, жир прямо поверху плавает. А раньше баланду принесли, есть не захочешь.

— Не жалеете, что поторопились уйти из надзирателей.

— Я честно вам скажу: хорошо, что ушел сразу. А почему? Много туберкулезников было. Вентиляции никакой. Отопление печное, в камерах тепло, а в коридорах сквозняки, вышки не отапливались. Нервная система здесь сдает. Зек он и есть зек. Ему говоришь, вбей гвоздь прямо, а он обязательно забьет криво.

— Тюрьма исправит человека?

— Никогда. Никогда...

Начальник тюрьмы не умеет отказывать своему сыну Эльдару. Понимает, что тем самым балует его, а все равно отказать мальчишеским прихотям не может. С каждой зарплаты майор Акпебаев делает Эльдарке подарки. Последним была великолепная «ферари».

— Что делать, — улыбается Болатбек Закимович, — я люблю его так, как, может быть, ни один отец не любит своего сына. И по характеру я слишком мягок..

Время у меня есть, и я выслушиваю майора Акпебаева до конца. Запомнилось, что в СИЗО работать намного труднее чем в колонии или ЛТП: как вести политико-воспитательную работу с подозреваемыми? И коллектив здесь тяжелый. «В тюрьме человек озлобляется». Раньше сюда шли работать по направлениям партийных и комсомольских органов, а теперь «бросаемся в объятия первому встречному». Сколько получает контролер? Прежде 160, теперь — 206. Плюс обидное обращение «дубак», которым зеки окрепчивают каждого контролера. Только все это пустяки по сравнению с главным — будущей судьбой крепостной тюрьмы. Ясно, что здесь она долго не протянет, не выдержат старые постройки. В 1976 году обрушилась стена Белого корпуса, зимой 1977 года упала стена Красного. Полусгнили деревянные перекрытия, почти на полметра осели полы. Комиссия облисполкома еще в 1978 году сделала однозначный вывод: учреждение ОВ—156/1 закрыть. А тюрьма существует до сих пор. Да, в пос. Согре начато строительство нового СИЗО, но ведется оно крайне медленно. «Ускорить бы его..» — с надеждой смотрит на меня майор Акпебаев, точно это я главный прораб стройки. Но я здесь не главный, я вообще не прораб. Единственное, чем могу пособить, это напрямик заявить: тюрьма в центре города, рядом со школой, не должна быть.

Впрочем, как знать? А может быть она оставлена тут с тайным умыслом? Вроде как для острастки. Дескать, бога, мерзавцы, не боитесь, так хоть тюрьмы устрашитесь. Рассуждая так, не долго признать старую тюрьму за новый храм, у которого и свой бог — смертная казнь, и свои святые — Сталин, Берия, Маленков и прочие..

Суд определил Женьке Ч., этому щуплому подростку с курносым доверчивым лицом три года Карагандинской колонии общего режима. Прилично одетый, в новой ондатровой шапке, он не походил на трудного малолетку из неблагополучной семьи.

— Почему ты стал вором?

— Я не задавал себе этот вопрос.

— Почему?

— Друзья встретились. Сказали: ну, пошли? Я сначала отказался. — А-а, значит ты не пацан. — Я говорю: я пацан, я докажу. — Тогда пошли? — Пошли.

— Ты был счастлив?

— Где, на воле? Когда с братом на лодке плавали.

— Что ты хочешь сильнее всего?

— У тебя был кумир?

— Купить лодку. Уплыл бы куда-нибудь.

— Боярский. Я из-за него петь начал. В хор ходил, был даже солистом. Один раз нас по телевизору показывали. Я про «Красного коня» любил петь. Душевная такая песня, ее тянуть надо.

— А что советовали тебе твои мама и папа?

— Они говорили мне: учись, Женья, после восьмого класса пойдешь в шарагу..

— Скажи, на небе есть бог?

Женька засмеялся.

— Бог? Откуда он? Я не верю в бога.

— Что ты слышал про Иисуса Христа?

— А-а, это такой раб, в Древней Греции, что ли.

Он еще гладиатором работал, ну-у, убивал на арене цирка таких же гладиаторов. А потом убежал и стал убивать буржуев, а добро ихнее бедным отдавал. Его снова поймали и прибили на крест. Правильно?

— Почти.. Если бы ты встретил теперь своих дружков, что ты сказал бы им?

— По морде бы дал. Сами на воле гуляют..

Женьку вскоре уводят, и я печально думаю о том, что впереди у него три страшных года Карагандинской колонии. Господи, дай же ему силы, будь милостлив к нему, потому что никто и никогда не говорил ему о тебе, Господи.. Пишу и вижу как спит сейчас этот курносый горемыка под колючим суконным одеялом, поджав острые колени до самого подбородка, и спит он в душной камере, возвышаясь над паханами. Улыбается ли во сне, вспоминая счастливую отцовскую охоту, плачет ли, грезя о теплых руках матери? Женька, Женька...

За спиной упал последний запор, я на воле. По-прежнему неслышно летит снег. Вот в такую погоду хорошо бы исповедаться у священника, помолиться за родных и любимых. Церковь стояла совсем рядом. Точнее, ее остов, стены. Без купола, без колокольни старая Троицкая церковь со своей 200-летней историей давно приспособлена под склад Военторга. Внешне склад напоминает корпус следственного изолятора. Тот же высокий забор с колючей проволокой, обвалившиеся стены, провисающая крыша, те же железные решетки в окнах. Да и есть ли разница в том, что там стерегут людей, а здесь офицерские голенища? Только надписи на стенах разные. Возвышенная в тюрьме: да, жалок тот, в ком совесть не чиста. (А. С. Пушкин). Короткая приказная на фронтоне бывшего храма: НЕ КУРИТЬ!

...Полтора года в камере смертников Южно-Сибирского Шлиссельбурга сидит Худяков, убивший двух человек из-за браги.

